

УДК 811.311.24
DOI 10.17223/18137083/75/17

Способы выражения атрибутивной посессивности: посессивные синтаксические конструкции

С. С. Буторин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проанализированы структурные модели кетских посессивных конструкций. Рассмотрены способы выражения компонентов посессивной конструкции и средств маркировки посессивных отношений между первым компонентом посессивной конструкции, обозначающим субъект обладания (посессор) и вторым компонентом, указывающим на объект обладания. Работа основана на концепции, предложенной Э. Вайдой, согласно которой посессивные маркеры представляют собой посессивные прономинальные энклитики и проклитики. Выделены двухкомпонентные и многокомпонентные посессивные конструкции. Установлено, что как первый, так и второй субстантивный компонент двухкомпонентной конструкции может иметь атрибут. Препозитивный атрибут имени обладаемого отделяет обладаемое от посессора, нарушая монолитность конструкции.

Ключевые слова

кетский язык, посессивность, посессивные маркеры, структура посессивных конструкций, двухкомпонентные и многокомпонентные структуры, распространенные посессивные структуры, синтаксическая деривация

Для цитирования

Буторин С. С. Способы выражения атрибутивной посессивности: посессивные синтаксические конструкции // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 235–251. DOI 10.17223/18137083/75/17

The ways of expressing attributive possession in Ket: possessive syntactic constructions

S. S. Butorin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the structural models of Ket possessive constructions. The means of expressing possessive construction components and the ways of marking possessive relations between the first possessive construction component denoting the subject of possession (a possessor) and the second component indicating the object of possession (a possessum) are

© С. С. Буторин, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

considered. The study is based on the conception proposed by E. Vajda, according to which the possessive markers are possessive pronominal clitics, used as either clitics or proclitics, depending on the context. Two-component and multiple-component constructions are identified. The two-component constructions contain a possessor, a possessum, and a linking marker, the semantic scope of which is a possessum. The non-expanded and expanded possessive constructions are analyzed. Both the first and the second substantive component of the two-component construction may be expanded by an attribute. The two-component constructions having a possessor expanded by an attribute are characterized by a distant ordering of a possessor noun and a possessum noun, including distant positions of a possessive proclitic and a possessum noun. The derivative processes of transforming possessive constructions are considered. The rising derivation process consists of embedding one more possessor into the construction with an original possessor. Both possessors are marked by appropriate possessive pronominal clitics. It is found that in Ket, the recessive derivation of omitting a possessor noun expressed by a personal pronoun stem is available as well, resulting in a construction with a non-expressed (omitted) possessor. The corresponding possessive pronominal clitic attaching proclitically to possessum noun is overtly retained at the surface morphosyntactic level.

Keywords

Ket language, possession, possessive markers, possessive construction structure, two-component and multiple-component constructions, expanded possessive constructions, syntactic derivation

For citation

Butorin S. S. The ways of expressing attributive possession in Ket: possessive syntactic constructions. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 235–251. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/17

Целью статьи является анализ языковых средств выражения атрибутивной посессивности в кетском языке.

Посессивность является универсальной семантической категорией, и каждый язык располагает механизмом выражения посессивности в пределах именной фразы и предложения.

С точки зрения функциональной грамматики функционально-семантическое поле посессивности имеет два центра, что определяется противопоставлением предикативной и атрибутивной функций, связанных с соответствующими типами посессивных конструкций: атрибутивных (*мое время, дом брата* и т. п.) и предикативных (*У меня есть время*) [Бондарко, 1996, с. 99].

В данной работе рассматриваются атрибутивные посессивные конструкции. Предикативные посессивные конструкции рассмотрены в специальной работе Е. А. Крюковой [2016]. Посессивные маркеры в составе послеложных конструкций остаются за рамками данного исследования.

В кетском языке атрибутивные посессивные отношения могут выражаться субстантивными и местоименными посессивными (притяжательными) конструкциями.

Семантические отношения между компонентами субстантивной притяжательной (посессивной) конструкции следующие: первый компонент – посессор, второй компонент – обладаемое; их связывает посессивный маркер – релятор.

Рассмотрению способов выражения посессивных отношений в кетском языке посвящен ряд работ, предлагающих различные подходы к трактовке посессивных конструкций и их состава [Крейнович, 1968б, с. 457, 461; Дульзон, 1968, с. 62–63, 74–75, 107–111; Werner, 1997, S. 110–111, 117–119, 134–136; Которова, Нефёдов, 2006, с. 46; Georg, 2007, p. 119–120; 107–108; 165–166; Vajda, 2004, p. 20–21, 23;

2013а, р. 81–84; Vajda, 2013b, р. 16; Крюкова, 2015; 2016; Крюкова, Нефёдов, 2017].

Сложность описания средств выражения посессивных отношений в кетском языке заключается в том, что в нем, по мнению некоторых исследователей, имеются ряды формально совпадающих показателей, которые используются как посессивные префиксы, показатели генитивного (посессивного) падежа существительных и личных местоимений, притяжательных местоимений, которые возводятся к родительному падежу соответствующих личных местоимений, а более того, входят в состав показателей некоторых падежей, выделяемых в ряде работ. Существуют различные точки зрения на статус этих показателей и на структуру посессивных конструкций.

Некоторые авторы считают, что существуют два отдельных ряда омонимичных посессивных показателей: притяжательные префиксы (клитики) и суффиксальные показатели генитивного падежа. Отдельно выделяется разряд притяжательных местоимений, которые, как считают Г. К. Вернер [Werner, 1997, S. 134–136] и Ш. Георг [Georg, 2007, р. 165], возникли на базе генитивных форм личных местоимений. Такая точка зрения высказывается в работах [Дульзон, 1968, с. 62–63, 74–75, 107–111; Werner, 1997, S. 118, 134–136; Которова, Нефёдов, 2006, с. 46; Georg, 2007, р. 119–120, 107–108, 165–166]. Приведем примеры: ²*hi'p* ‘сын’; *da-²hi'p* ‘его сын’ – посессивный префикс; *hi'p-da bəgdəm* ‘сына ружье’ – генитивный формант; *da-hi'p-da bəgdəm* ‘его сына ружье’ – посессивный префикс + генитивный формант [Werner, 1997, S. 118]. Ср. также *bu-da ²hi'p* ‘мой сын’ – притяжательное местоимение.

Е. А. Крейнович выделяет категорию притяжательности, выражаемую притяжательными префиксами [Крейнович, 1968б, с. 457], и отрицает существование в кетском родительного падежа [Крейнович, 1968а, с. 130] и соответственно генитивных притяжательных суффиксов, однако признает наличие притяжательных местоимений [Крейнович, 1968б, с. 457].

Категорию посессивности и генитивный падеж выделял также и Э. Вайда, отмечая, что категория посессивности выражается клитиками, которые являются производными от форм генитивного падежа личных местоимений: *āp āt* -> *b-āt* ‘моя мать’ и т. д. [Vajda, 2004, р. 20–21], а особой чертой генитивных формантов является то, что они, скорее всего, представляют собой энклитики, а не суффиксы [Ibid., р. 23].

Посессивные маркеры, во многих работах трактуемые либо как суффиксальные генитивные падежные показатели, либо как притяжательные префиксы, Э. Вайда относит к посессивным прономинальным клитикам, которые могут выступать либо в качестве клитик, либо в качестве проклитик [Vajda, 2008, р. 189–191; 2013а, р. 81–82; 2013b, р. 16]. Вслед за Э. Вайдой аналогичный подход к описанию способов выражения посессивных отношений в кетском языке был использован Е. А. Крюковой и А. В. Нефёдовым [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 43–44].

В данной работе используются принципы анализа посессивных конструкций, обоснованные Э. Вайдой.

Посессивные прономинальные клитики

В качестве маркеров-реляторов в составе посессивных конструкций используются посессивные прономинальные клитики, которые согласуются с именем possessора по категориям лица, числа, рода и одушевленности.

Посессивные прономинальные клитики
Possessive pronominal clitics

Ед. ч.		Мн. ч.	
<i>b</i>	1-е л.	<i>na</i>	Клитики имен одушевленного рода мужск., женск. кл.; присоединяются к именам / местоимениям 1, 2 и 3-го л. мужск. или женск. кл.
<i>k</i>	2-е л.	<i>na</i>	
<i>da</i>	3-е л. мужск. кл.	<i>na</i>	
<i>di*</i>	3-е л. женск. или неодуш. кл.	<i>di</i>	Клитики неодуш. рода; присоединяются к именам вещного класса, а также к финитным формам глагола

* Заметим, что в качестве клитики 3-го л. женск. кл. встречается клитика *d / t*.

В зависимости от контекста эти маркеры могут быть реализованы либо как проклитики, либо как энклитики [Vajda, 2008, p. 188].

Прономинальные посессивные клитики *da* (мужск. класс), *di* (женск. класс), *na* (одушевленный – мужск. и женск. кл.) входят в качестве *посессивных* прономинальных приращений – коннекторов – в состав следующих реляционных маркеров: датив, аблатив и адессив (традиционно относимые к «падежным показателям»), ряд постпозиционных клитик («послелогов»), некоторые реляционные энклитики, присоединяемые к спрягаемым финитным формам глагола и образующие конвербы [Vajda, 2008, p. 190–191; 191–194; 196–197]. Приведем некоторые примеры реляционных клитик с приращением: датив *da-ŋa / di-ŋa / na-ŋa*; аблатив *da-ŋal' / di-ŋal' / na-ŋal'*; адессив *da-ŋta / di-ŋta / na-ŋta* [Ibid., p. 190–191].

Модели атрибутивных посессивных конструкций

В зависимости от языкового способа выражения первого компонента конструкции (имени посессора) выделяются субстантивные и прономинальные конструкции. Второй компонент, обозначающий объект обладаемого, всегда выражается именем существительным.

Отличие этих конструкций состоит в том, что в прономинальной конструкции посессивный маркер указывает на лицо (1, 2 и 3-е), число, а в 3-м л. ед. ч. и класс посессора, в то время как в субстантивной конструкции используются маркеры, отражающие лишь 3-е л. ед. и мн. ч., а в 3-м л. ед. ч. дифференцированно выражающие мужской, женский и неодушевленный (вещный) классы. Что же касается множественного числа, то лицо посессора не дифференцируется; противопоставляется лишь категория одушевленности (клитика *na*) и неодушевленности (вещный класс – клитика *di*). Категория числа посессора вещного класса не выражается: как в единственном, так и во множественном числе используется одна и та же клитика *di*, общая в единственном числе для женского и вещного классов.

Заслуживает внимания мнение относительно того, что посессивные конструкции могут содержать либо эксплицитно выраженный, либо невыраженный (можно сказать, имплицитный, или имплицитируемый. – С. Б.) посессор. При выраженном посессоре посессивный маркер энклитически присоединяется к имени

посессора, а в конструкциях с невыраженным посессором маркеры проклитически присоединяются к имени обладаемого [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 44–46].

Притяжательные местоимения, по мнению авторов приведенной выше работы, представляют собой формы личных местоимений, оформленных соответствующими притяжательными клитиками [Там же, с. 44–45]. При опущении основы личного местоимения маркеры проклитически примыкают к имени обладаемого, но имплицитно указывают на посессор.

На наш взгляд, опущение имени посессора, выраженного, как правило, основой личного местоимения, обусловлено необходимостью введения посессора в прагматический фон с целью помещения имени обладаемого в прагматический фокус.

Двухкомпонентные модели

Наиболее частотными являются двухкомпонентные модели, содержащие два компонента: имя посессора (первый компонент) и объект обладания (второй компонент), связанные посессивным маркером.

В ранее опубликованных работах приводятся три базовые двухкомпонентные модели, идентичные по своей формальной структуре, но отличающиеся с точки зрения интерпретации авторами морфосинтаксического статуса их компонентов (см. [Werner, 1997, S. 118; Которова, Нефёдов, 2006, с. 49; Georg, 2007, p. 119–120; Крюкова, 2015, с. 60; Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 50–51]). Применяя унифицированную методику описания структуры посессивных конструкций, предложенную Э. Вайдой, можно представить эти модели следующим образом (морфологическое членение, глоссирование и перевод далее приводимых примеров мои. – С. Б.):

(1) *bìseb-da doʔn*
брат-POSS.CL.3.SG.M нож
'брата нож' [Georg, 2007, p. 120]

(2) *bú-da doʔn*
он.PR-POSS.CL.3.SG.M нож
'его нож' [Ibid., p. 119]

(3) *da-doʔn*
POSS.CL.3.SG.M-нож
'его нож' [Ibid., p. 120]

Конструкции с притяжательной проклитикой и притяжательным местоимением взаимозаменяемы:

(4) *b-ōb ⇔ ā-b ōb* 'мой отец'
da-huʔn ⇔ bú-da huʔn 'его дочь'
na-hiʔb ⇔ búŋ-na hiʔb 'их сын' [Ibid., p. 120]

Отмечается, что использование проклитической (префиксальной) стратегии применительно к неодушевленным именам обладаемого не является в полной мере характерной, но иногда эта стратегия все же используется [Ibid., p. 120].

Во избежание возникновения недопустимых консонантных сочетаний (кластеров) в начале фразы вместо проклитической стратегии кодирования посессивных отношений используются полные притяжательные местоимения (в нашей терминологии – личные местоимения, оформленные посессивными энклитиками). Данное ограничение касается тех случаев, когда посессивная проклитика представле-

на одним согласным (*b* – 1-е л. ед. ч. и *k* – 2-е л. ед. ч.), а имя обладаемого представлено существительным, имеющим консонантный анлаут. Ш. Георг отмечает, что вместо того, чтобы сказать **b-bókdom* ‘мое ружье’ или **k-bókdom* ‘твое ружье’, говорят *āb bókdom*, *īk bókdom* [Georg, 2007, p. 120].

Таким образом, можно заключить, что наиболее функционально нагруженными являются клитики *da / di* и *na*, имеющие вокалический ауслат.

В вышеприведенных двухкомпонентных моделях, имеющих семантическую структуру ‘посессор + обладаемое’, посессор представлен субстантивным компонентом: именем существительным или личным местоимением-существительным, которые являются либо эксплицитно выраженными (примеры (1) и (2)), либо невыраженными, имплицитными (3), но репрезентированными посессивными клитиками.

В ходе исследования выявлена еще одна модель, в которой в качестве посессора используется субстантивированное порядковое числительное:

Модель: **POSSER_{CARD} + POSS.CL – POSSUM_{SUBST}**

- (5) *doɫi:n ɣl:ne kɣl:mɪn. kɔgde =m* ^ʔ*u*^ʔ *ɦy^ʔn.*
kɔgde-m ^ʔ*u*^ʔ *ɦy^ʔn.*
 вторая.F-POSS.CL.3.SG.F имя Хонь
 ‘Жили две женщины. Имя первой – Хонь.’ [Дульзон, 1962, с. 155]

Распространенные двухкомпонентные модели

Как первый, так и второй субстантивный компонент двухкомпонентной конструкции может иметь распространение, выраженное атрибутом.

(а) Модель **ATTR_{ADJ} – POSSER_{SUBST.DEP} + POSS.CL – POSSUM_{SUBST.HEAD}**

Распространение имени посессора адъективным атрибутом:

- (6) *кыл’* *хэj-дэ дй’-вэс* *ýлов*
 наклоненный кедр.POSS.3.SG.M-PROS прорубь
этэвиj
 образовалась
 ‘Сквозь комель наклоненного кедра прорубь образовалась.’ (загадка)
 [Крейнович, 1969, с. 230]

(б) Модель **ATTR_{PROND} – POSSER_{SUBST.DEP} + POSS.CL – POSSUM_{SUBST.HEAD}**

Распространение имени посессора прономинальным атрибутом:

- (7) ... ‘*киде ул’че-д ул’* был’де *то:jунки:бити.*
‘киде ул’че-д ул’
 эта река-POSS.3.SG.N вода
 ‘... я *воду этой речки* всю высушу.’ [Дульзон, 1964, с. 158]

(в) Модель **POSSER_{SUBST.DEP} + POSS.CL – ATTR_{ADJ} – POSSUM_{SUBST.HEAD}**

Распространение имени обладаемого адъективным атрибутом:

- (8) *se^l-da* *ki^ʔ* *qɔ^ʔ-ŋ*
 олень-POSS.CL.3.SG.M новый рог-PL
 ‘новые рога оленя’ [Которова, Нефёдов, 2006, с. 45]

(г) Модель \emptyset -**POSSER**_{DEP} – **POSS.CL** – **ATTR**_{ADJ} – **POSSUM**_{SUBST.HEAD}
 Распространенная конструкция с невыраженным посессором:

(9) *de* *hane* *bi'siep*
 POSS.CL.3.SG.m маленький брат
 ‘его младший брат’ [Крюкова, 2015, с 58]

(д) Модель **POSSER**_{SUBST.DEP} + **POSS.CL** – **ATTR**_{ORD} – **POSSUM**_{SUBST.HEAD}
 Распространение имени обладаемого количественным числительным в конструкции с выраженным посессором:

(10) *кул'æп дакус'кук (ун')*
кул'æп-даæ *кус'* *кук (ун')*
 горностай-POSS.CL3.SG.M один дыра
 ‘одна дыра горностая’ (‘ножны’) [Крейнович, 1969, с. 229]

(е) Модель \emptyset -**POSSER**_{DEP} **POSS.CL** **ATTR**_{ORD} – **POSSUM**_{SUBST.HEAD}
 Распространение имени обладаемого количественным числительным в конструкции с невыраженным именем посессором:

(11) *hурис ба:ре актâ дангâринговет дъ кок хун-дингтâн.*
дъ *кок хун-дингтâн*
 POSS.CL.3.SG.F одна дочь-ADES
 ‘Старик Ирис сильно и долго плакал *о своей единственной дочери.*’
 [Дульзон, 1969, с. 192]

В конструкциях с распространением имени обладания атрибутом наблюдается дистантное расположение имени посессора и имени обладаемого, в том числе притяжательной проклитики и имени обладаемого при опущенном посессоре.

Многокомпонентные посессивные конструкции

В литературе отмечено наличие конструкций, содержащих два посессивных маркера, соотносящихся с разными референтами-посессорами. На наличие подобных конструкций обращалось внимание, и они трактовались как «сложные посессивные конструкции», в которых посессор одновременно является обладаемым по отношению к другому посессору» [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 46]. Например:

(12) ... *bo:b`da ki't deqaj deqajbo`γos*
b=ōb=da *ki'd*
POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M. цена
di-kaj-b-o-γos
 1SG.SBJ-конечность-INAN.OBJ-(EP)-взять
 ‘...отцовскую [моего отца] цену возьму’ [Там же]

Авторы цитируемой работы отмечают, что существительное *ōb* ‘отец’ является обладаемым по отношению к невыраженному посессору, представленному проклитикой *=b=* ‘мой’ (< *ab*), и одновременно посессором по отношению к обладаемому, выраженному существительным *ki'd* ‘цена’ [Там же].

В настоящей работе такие конструкции трактуются как многокомпонентные. Рассмотрим формальную и семантическую структуру многокомпонентной посессивной конструкции.

- (13) *ób-dà* *sé-n-nà* *ìyòlta-ŋ*
отец-POSS.3.SG.M олень-PL-POSS.3.PL.AN шкура-PL
‘шкуры оленей отца’ (букв. ‘отца оленей шкуры’) [Vajda, 2004, p. 23]

Как видим, многокомпонентная посессивная конструкция может содержать два разнореферентных посессора (Поссессор.I и Поссессор.II) и обладаемых и соответственно два разнореферентных посессивных маркера (ПМ.I и ПМ.II). Так, в приведенной модели: *ób* ‘отец’ – Поссессор.II; *dà* – ПМ.II при имени Поссессора.II (*ób* ‘отец’); *sen* ‘олени’ – обладаемое.II при Поссессоре.II (*ób* ‘отец’) и одновременно – Поссессор.I относительно обладаемого.I *ìyòltaŋ* ‘шкуры’; *na* ‘их’ – ПМ.I при Поссессоре.I *sen*, *ìyòlta-ŋ* ‘шкуры’ – обладаемое.I, которое является вершиной многокомпонентной посессивной конструкции и занимает финальную маргинальную позицию. Все компоненты, препозитивно расположенные по отношению к обладаемому.I, являются зависимыми. Многокомпонентные конструкции являются результатом восходящей синтаксической деривации и будут рассмотрены в разделе «Синтаксическая деривация посессивных конструкций».

Семантико-синтаксическое представление многокомпонентной конструкции: POSSER.II_{SUBST.DEP} + POSS.CL.II – [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} ⇔ POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I – POSSUM.I_{SUBST.HEAD}.

Деривация многокомпонентных моделей

Многокомпонентная конструкция является расширением двухкомпонентной конструкции, которая может быть преобразована в многокомпонентную в результате восходящей синтаксической деривации атрибутивной посессивизации. Процесс деривации заключается во введении посессивного определения к имени посессора исходной конструкции (POSSER.I), имеющего свою посессивную энклитику. Определение выражено именем второго посессора (POSSER.II), оформленным соответствующей посессивной энклитикой (POSS.CL.II). См. примеры (14)–(16).

Выделено несколько вариантов многокомпонентных конструкций в зависимости от способа языкового выражения имени Поссессора.II (POSSER.II).

Вариант А. Поссессор.II выражен именем существительным.

Исходная конструкция:

- (14) *sé-n-nà* *ìyòlta-ŋ*
олень-PL-POSS.CL.PL.AN шкура-PL
‘шкуры оленей’ (букв. ‘оленей шкуры’)

Атрибутивная посессивная конструкция:

- (15) *ób-dà* (*sé-n*)
отец-POSS.CL.3.SG.M (олени)

Производная конструкция:

- (16) *ób-dà* *sé-n-nà* *ìyòlta-ŋ*
отец-POSS.CL.3.SG.M олень-PL-POSS.PL.AN шкура-PL
‘шкуры оленей отца’ (букв. ‘отца оленей шкуры’) (примеры из [Vajda, 2004, p. 23]; перевод и глоссирование мои. – С. Б.)

Процесс восходящей деривации заключается во включении в конструкцию наряду с посессором *sén* ‘олени’ еще одного посессора *ób* ‘отец’. Оба посессора оформлены соответствующими местоименными посессивными клитиками. При

этом посессор *sé-n-nà* ‘олений’ обладаемого *iyòlta-ŋ* ‘шкуры’ исходной конструкции становится одновременно обладаемым посессора *ób-dà* ‘отца’.

Деривационная история:

sé-n-nà iyòlta-ŋ ⇒ *ób-dà sé-n-nà iyòlta-ŋ*

олень-PL-POSS.PL.AN шкура-PL ⇒ отец-POSS.3.SG.M олень-PL-POSS.PL.AN шкура-PL

‘шкуры олений’ (букв. ‘олений шкуры’) ⇒ ‘шкуры олений отца’ (букв. ‘отца олений шкуры’).

Семантико-синтаксическое представление деривации:

$POSSER.I_{SUBST.DEP} + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST.HEAD} \Rightarrow POSSER.II_{SUBST.DEP} + POSS.CL.II - [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} \Leftrightarrow POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I - POSSUM.I_{SUBST.HEAD}$

Вариант Б. Посессор. II выражен личным местоимением, оформленным притяжательной энклитикой.

Исходная конструкция:

(17) *biseb-da* doʔn.
брат POSS.CL.SG.3.M нож
‘брата нож’

Производная конструкция:

(18) *ā-b* *biseb-da* doʔn
PRON.SG.1-POSS.CL.SG.1 брат POSS.CL.SG.3.M нож
‘нож моего брата (букв. моего брата нож)’ [Georg, 2007, p. 107]

Деривационная история:

biseb-da doʔn ⇒ *ā-b biseb-da doʔn*

брат POSS.CL.SG.3.M нож ⇒ PRON.SG.1-POSS.CL.SG.1 брат POSS.CL.SG.3.M нож

‘брата нож’ ⇒ ‘моего брата нож’

Семантико-синтаксическое представление деривации:

$POSSER.I_{SUBST.DEP} + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST.HEAD} \Rightarrow POSSER.II_{PRON.DEP} + POSS.CL.II - [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} \Leftrightarrow POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I - POSSUM.I_{SUBST.HEAD}$

Вариант В. Посессор. II в исходной конструкции является личным местоимением, оформленным притяжательной энклитикой; в производной редуцированной конструкции Посессор. II является невыраженным (опущенным) и репрезентируется притяжательной проклитикой. Данный деривационный процесс относится к рецессивной деривации. Исходная нередуцированная и производная редуцированная конструкции имеют следующий вид.

Исходная конструкция:

(19) *bu-da hiʔp-da* *bɔgdɔm*
PRON.3-POSS.CL.3.SG.M ружье
‘его сына ружье’

Производная редуцированная конструкция:

(20) *da-hiʔp-da* *bəgdəm*
POSS.CL.II.3.SG.M-сын-POSS.CL.I.3.SG.M ружье
'его сына ружье' [Werner, 1997, S. 118]

Деривационная история:

bu-da hiʔp-da bəgdəm ⇒ *da-hiʔp-da bəgdəm*

PRON.3-POSS.CL.3.SG.M ⇒ Ø-POSSER – POSS.CL.II.3.SG.M-сын-POSS.CL.I.3.SG.M

Перевод один и тот же.

Семантико-синтаксическое представление деривации:

POSSER.II_{PRON,DEP} + POSS.CL.II – [POSSUM.II_{SUBST,HEAD} ⇔ POSSER.I_{SUBST,DEP}]
+ POSS.CL.II – POSSUM.I_{SUBST,HEAD} ⇒ Ø-POSSER.II_{PRON,DEP} – POSS.CL.II + [POSSUM.II_{SUBST,HEAD} ⇔ POSSER.I_{SUBST,HEAD}.] + POSS.CL.I – POSSUM.I_{SUBST,HEAD}

При опущении имени possessора к существительному, являющемуся именем обладаемого, на формально-синтаксическом уровне проклитически примыкает possessивный маркер. В таком случае в формальном плане имя обладаемого предстает как дважды маркированное клитиками: референтом проклитики является опущенное имя possessора, а референтом энклитики – имя обладаемого. Таким образом, сферой действия possessивных маркеров-проклитик является имя выраженного (21) или невыраженного (эллиптически опущенного) (22) possessора:

(21) *ab-ōb-da* *kiʔd*
PRON.1.SG-POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M цена
'цена моего отца [моего отца цена]'

(22) *b-ōb-da* *kiʔd*
POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M цена
'цена моего отца [моего отца цена]' [Крюкова, Нефёдов, 2017, с. 46]

Деривационная цепочка представляет собой следующую трансформацию:

ab-ōb-da kiʔd [PRON.1.SG-POSS.1.SG-отец-POSS.3.SG.M цена] ⇒ *b-ōb-da kiʔd* [POSS.1.SG-POSS – отец-POSS.3.SG.M цена].

Деривационными отношениями редукции могут быть связаны также и двухкомпонентные конструкции с выраженным и невыраженным possessором.

Модель с выраженным личным местоимением possessором:

POSSER.I_{PRON} + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST}

(23) *bu-da* *ob*
он.PRON-POSS.CL.3.SG.M отец
'его отец'

Модель с невыраженным (опущенным) possessором, представленным проклитикой: Ø-POSSER.I + POSS.CL.I + POSSUM.I_{SUBST}

(24) *da-op*
POSS.3.SG.M-отец
'его отец'

Вариант Г. Многокомпонентная модель имеет распространение, выраженное адъективным атрибутом, в том случае, когда она образована на базе двухкомпонентной распространенной модели:

Исходная конструкция:

(25) *ыдат ба:д-да* *һъ^она* *һы[?]н*
старик Ыдат.-POSS.3.SG.M младший.ATTR_{ADJ} сын.
‘Старика Ыдата младший сын’

Производная конструкция:

(26) *ыда:т ба:т-да* *һъ^оне*
старик Ыдат.-POSS.3.SG.M младший.ATTR_{ADJ}
һын-да *ки:м*
сын.-POSS.3.SG.M жена
‘старика Ыдата младшего сына жена’ [Дульзон, 1966, с. 94]

Деривационная цепочка:

ыдат ба:д-да һъ^она һы[?]н ⇒ *ыда:т ба:т-да һъ^оне һын-да ки:м*
старик Ыдат.-POSS.3.SG.M младший.ATTR_{ADJ} сын старик Ыдат.-POSS.3.SG.M
младший.ATTR_{ADJ} сын.-POSS.3.SG.M *ки:м*

Семантико-синтаксическое представление:

POSSER.I_{SUBST.DEP} + POSS.CL.I – ATTR_{ADJ} – POSSUM_{SUBST.HEAD} ⇒
POSSER.II_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.II – ATR_{ADJ} – [POSSUM.II_{SUBST.HEAD} ⇔
POSSER.I_{SUBST.DEP}] + POSS.CL.I POSSUM.I

Сфера действия прономинальных посессивных клитик

Сферой действия прономинальных клитик является имя посессора. В случае распространения имени обладаемого атрибутом, выраженным прилагательным, имена посессора и обладаемого отделяются друг от друга атрибутом и располагаются дистантно. При этом посессивный маркер энклитически присоединяется к имени посессора.

(27) *se^l-da* *ki[?]* *qə[?]-ŋ*
олень-M.GEN новый рог-PL
‘новые рога оленя’ [Которова, Нефёдов, 2006, с. 45]

Наблюдается также дистантное расположение прономинальных клитик при невыраженном посессоре. Посессивные проклитики 3-го л. *da~de* (M), *di* (F), *d* (N), *na* (PL.AN) анафорически указывают на посессора, а имя посессора вводится в фон. Ситуация аналогична ситуации с реляционными маркерами Датива, Адессива и Аблатива, способными использоваться в качестве самостоятельных слов (ср. [Vajda, 2008, p. 192]). Например:

(28) *de hane bi 'sep*
POSS.CL.3.SG.M маленький брат
‘его младший брат’ [Крюкова, 2015, с 58]

Дейктическое и анафорическое использование клитик

При невыраженном посессоре проклитические маркеры 1-го (*b*) и 2-го (*k*) л. ед. ч. являются дейктическими, т. е. содержат отсылку к посессору, который явля-

ется участником данного акта речи или речевой ситуации, и отсылают к говорящему или слушающему (см. [ЛЭС, 1990, с. 294–295]).

Клитики 3-го л. ед. ч мужск. (*da*), женск. (*di*) и неодушевленного (вещного) рода (класса) (*d/t*), являются анафорическими и указывают на лицо, число и класс possessора, а анафорическая клитика множественного числа одушевленного рода (*na*) отображает лишь число и одушевленность possessора, не указывая на лицо possessора; множественное число possessора неодушевленного класса не отражается: используется клитика единственного числа (*d/t*). При опущенном possessоре анафорические клитики содержат отсылку к possessору, упомянутому в данном высказывании или тексте.

Дейктическое использование possessивных клитик:

(29) *Bal'na ... di'ŋa bara :... p-qoŋq us'ka iRunes i p-qi't.*

<i>Bal'na</i>	<i>di'ŋa</i>	<i>bara</i>	<i>p-qoŋq</i>
Бальна	3.SG.F.DAT	3.SG.M.say\PST	POSS.CL.1.SG-панцирь
<i>us'ka</i>	<i>iRunes</i>	<i>i</i>	<i>p-qi't</i>
назад	2SG.нести\IMP	и	POSS.CL.1SG-лук

‘Бальна ... ей сказал: ... мой панцирь принеси и лук.’ (пример из [Крюкова, Глазунов, 2010, с. 199])

Анафорическое использование possessивных клитик:

(30) *Bal'na doldaŋq d bis'niminas'.*

<i>Bal'na</i>	<i>d-ol-dəŋq</i>	<i>d-bis'nimin-as'</i>
Бальна	SUBJ.3SG.M-PST-жить	3SG.POSS-брат.PL-COM

‘Бальна жил со своими братьями.’ (пример из [Крюкова, Глазунов, 2010, с. 199])

Оформление обладаемого падежным показателем

Вершинный характер обладаемого в possessивной конструкции подтверждает еще и тем, что к имени обладаемого присоединяются так называемые «падежные реляционные маркеры» (см. [Vajda, 2008, p. 190–196]), в составе которых выделяются в качестве соединительных элементов прономинальные possessивные клитики.

(31) *do'lin, do'lin i de hane bi's'ep t-qiminem, hantgam qim t-kas'titnem, o'yon de qi'bba:taŋnaŋa dɔ'q de hane bi's'ep ... o'yon*

<i>de</i>	<i>hane</i>	<i>bi's'ep</i>
POSS.CL.3.SG	маленький	брат
<i>o'yon</i>	<i>de</i>	<i>qi'bba:t-aŋ-naŋa</i>
идти.SUBJ.3.SG.M.PST	POSS.CL.3.SG.M.	тесть-PL-DAT.PL

dɔ'q

жить

‘Жили, жили, и его младший брат женился, эвенкийскую жену взял, пошел к тестям жить.’ [Крюкова, Глазунов, 2010, с. 188]

Типологическая характеристика

В отличие от многих языков, которым свойственна категория possessивности, в кетском языке отсутствует противопоставление неотторжимой и отторжимой принадлежности [Werner, 1997, S. 119].

коров является имя выраженного или невыраженного (опущенного) посессора. Предположительно, имя посессора опускается в целях его введения в прагматический фон.

При невыраженном посессоре проклитические маркеры 1-го (*b*) и 2-го (*k*) л. ед. ч. являются дейктическими, т. е. содержат отсылку к посессору, который является участником данного акта речи или речевой ситуации, и отсылают к говорящему или слушающему.

Клитики 3-го л. ед. ч мужск. (*da*), женск. (*di*) и неодушевленного (вещного) рода (класса) (*d / t*) являются анафорическими и указывают на лицо, число и класс посессора, а анафорическая клитика множественного числа одушевленного рода (*na*) отображает лишь множественное число и одушевленность посессора, не указывая на лицо посессора; множественное число посессора неодушевленного класса не отражается: используется клитика единственного числа (*di / d / t*). При опущенном имени посессора анафорические клитики содержат отсылку к посессору, упомянутому в данном высказывании или тексте.

В кетском языке выделены двухкомпонентные и многокомпонентные посессивные конструкции, связанные деривационными отношениями восходящей и нисходящей деривации.

Условные обозначения

↔ – одновременно является; [POSSUM.I ↔ POSSER.II] – в квадратные скобки помещается синтаксический компонент, который одновременно имеет семантическую интерпретацию и обладаемого, и посессора; Ø – опущенное имя посессора; Ø-POSSER – невыраженный (опущенный) посессор; ADES – адессив; ATTR – атрибут; CL – клитика; COM – комитатив; DAT – датив; DEP – зависимый компонент; EP – эпендетический сегмент; F – женский класс; GEN – генитив; HEAD – вершинный компонент; HEAD ⇒ DEP – преобразование вершинного компонента в зависимый; INAN – неодушевленный род); M или m – мужской класс (род); N – показатель неодушевленного (вещного) класса; ORD – порядковое числительное; PL – множественное число; PM – посессивный маркер; POSS / POSS.CL – посессивный маркер / посессивная клитика; POSSER – посессор; POSSUM – имя обладаемого; PROND – указательное местоимение; PROS – продолжный падеж; PST – прошедшее время; SBJ – субъект; SG – единственное число; SUBST – существительное.

Список литературы

Бондарко А. В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 99–100.

Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. 1962. Т. 20, вып. 2. С. 144–180.

Дульзон А. П. Кетские сказки // Очерки по грамматике кетского языка. Томск: Изд-во ТГУ, 1964. С. 140–217.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск: Изд-во ТГУ, 1966. 167 с.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 635 с.

Дульзон А. П. Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М.: Наука, 1969. С. 167–212.

- Которова Е. Г., Нефёдов А. В.* Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное кодирование? // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 43–56.
- Крейнович Е. А.* Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968а. 283 с.
- Крейнович Е. А.* Кетский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука, 1968б. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. С. 453–473.
- Крейнович Е. А.* Загадки // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М.: Наука, 1969. С. 231–235.
- Крюкова Е. А.* Именные посессивные конструкции в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4 (10). С. 55–61.
- Крюкова Е. А.* Предикативные посессивные конструкции в кетском языке (корпусное исследование) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4 (14). С. 22–36.
- Крюкова Е. А., Глазунов П. Ю.* Кетские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. Томск: Ветер, 2010. С. 185–211.
- Крюкова Е. А., Нефёдов А. В.* Выражение посессивных отношений в кетском языке: прототипичные конструкции и периферия // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 42–55.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Georg S.* A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Part 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007, 328 p.
- Nichols J.* Head-Marking and Dependent-Marking Grammar // Language. 1986. Vol. 62, no. 1. P. 56–119.
- Vajda E. J.* Ket // Languages of the World / Materials. 204. Lincom Europa, 2004. 99 p.
- Vajda E. J.* Head-negating enclitics in Ket // Subordination and coordination strategies in North Asian languages / Ed. by Edward J. Vajda. Amsterdam, 2008. P. 179–201. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series IV, Current issues in linguistic theory, ISSN 0304-0763; vol. 300)
- Vajda E. J.* Vestigial possessive morphology in Na-Dene and Yeniseian. // Working Papers in Athabaskan (Dene) Languages 2012. Alaska Native Language Center Working Papers / Eds. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber. Fairbanks, AK: ANLC, 2013a. No. 11. P. 79–91. URL: https://www.uaf.edu/anlc/docs/Vajda_2013_Vestigial.pdf (accessed: 21.03.2021).
- Vajda E. J.* Metathesis and reanalysis in Ket // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2013b. № 1 (1). P. 14–26.
- Werner H.* Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997. 407 S.

References

- Bondarko A. V. Vstupitel'nye zamechaniya [Introductory remarks]. In: *Teoriya funkcional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Space localization. Beingness. Possession. Causality]. St. Petersburg, Nauka, 1996, pp. 99–100.
- Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket tales and other texts]. *Uchen. zap. Tom. gos. ped. in-ta.* 1962, vol. 20, iss. 2, pp. 144–180.
- Dul'zon A. P. Ketskie skazki [Ket tales]. In: *Ocherki po grammatike ketskogoazyka* [Sketches on Ket grammar]. Tomsk, TSU Publ., 1964, pp. 140–217.

- Dul'zon A. P. *Ketskie skazki* [Ket tales]. Tomsk, TSU Publ., 1966, 167 p.
- Dul'zon A. P. *Ketskiy yazyk* [Ket language]. Tomsk, TSU Publ., 1968, 635 p.
- Dul'zon A. P. Ketskie skazki i drugie teksty [Ket tales and other texts]. In: *Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 167–212.
- Georg S. *A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak)*. Part 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007, 328 p.
- Kotorova E. G., Nefedov A. V. Tipologicheskie kharakteristiki ketskogo yazyka: verшинnoe ili zavisimostnoe kodirovanie? [Typological features of the Ket language: the head or dependancy marking?]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2006, no. 5, pp. 43–56.
- Kreynovich E. A. *Glagol ketskogo yazyka* [The verb in the Ket language]. Leningrad, Nauka, 1968a, 283 p.
- Kreynovich E. A. Ketskiy yazyk [The Ket language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. 5: Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki* [USSR peoples languages. Vol. 5: Mongolian, Manchu-Tungis and Paleo-Siberian languages]. Leningrad, Nauka, 1968b, pp. 53–473.
- Kreynovich E. A. Zagadki [Puzzles]. In: *Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 231–235.
- Kryukova E. A. Imennye possessivnye konstruksii v ketskom yazyke [Possessive noun constructions in Ket]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2015, 4 (10), pp. 55–61.
- Kryukova E. A. Predikativnye possessivnye konstruksii v ketskom yazyke (korpusnoe issledovanie) [Possessive predicative constructions in Ket (corpus-driven research)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016, no. 4 (14), pp. 22–36.
- Kryukova E. A., Glazunov P. Yu. Ket texts. In: *Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated folklore prose texts of the Ob-Yenisei language area]. Tomsk, Veter, 2010, pp. 185–211.
- Kryukova E. A., Nefedov A. V. Vyrazhenie possessivnykh otnosheniy v ketskom yazyke: prototipichnye konstruksii i periferiya [Possessive relations in Ket: prototypical constructions and peripheral cases]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2017, no. 4 (18), pp. 42–55.
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 685 p.
- Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*. 1986, vol. 62, no. 1, pp. 56–119.
- Vajda E. J. Ket. In: *Languages of the World / Materials*. 204. Lincom Europa, 2004, 99 p.
- Vajda E. J. Head-negating enclitics in Ket. In: *Subordination and coordination strategies in North Asian languages*. E. J. Vajda (Ed.). Amsterdam, 2008, pp. 179–201. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series IV, Current issues in linguistic theory, ISSN 0304-0763; vol. 300)
- Vajda E. J. Vestigial possessive morphology in Na-Dene and Yeniseian. In: *Working papers in Athabaskan (Dene) languages 2012. Alaska native language center working papers*. Sharon Hargus, Edward Vajda, Daniel Hieber (Eds). Fairbanks, AK: ANLC, 2013a, no. 11, pp. 79–91. URL: https://www.uaf.edu/anlc/docs/Vajda_2013_Vestigial.pdf (accessed: 21.03.2021).

Vajda E. J. Metathesis and reanalysis in Ket. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2013b, no. 1 (1), pp. 14–26.

Werner H. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, 1997, 407 S.

Сведения об авторе

Буторин Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

butorin_ss@mail.ru

Researcher ID M-4932-2018

Information about the author

Sergey S. Butorin – Candidate of Philology, Assistant Professor, Senior Researcher at the Department of Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

butorin_ss@mail.ru

Researcher ID M-4932-2018